

Михаил
Ландбург

ПИВО,
СТИХИ
И
ЗЕЛЕНЫЕ ГЛАЗА

НОВЕЛЛЫ

авторизованный перевод с иврита

Израиль 2012

Михаил Ландбург

Пиво, стихи и зеленые глаза (сборник)

текст предоставлен правообладателем

<http://www.litres.ru/misha-landburg/pivo-stihi-i-zelenye-glaza/>

Михаил Ландбург. Пиво, стихи и зеленые глаза: Книга-сэфер; Москва,

Кфар-Саба; 2006

ISBN 965-7288-08-8

Аннотация

Каждая новелла, вошедшая в сборник – сжатый до нескольких страниц роман. Насколько емко иврит, насколько спрессованы мир и война, история и религия, жизнь и смерть, любовь и ненависть, на, казалось бы, крошечной территории Израиля; настолько насыщены тексты Миши Ландбурга. Каждого приехавшего в Израиль поражает то, как на протяжении считанных километров меняется климат, природа, пейзаж страны. Так и читателя новелл и на иврите и в авторском переводе на русский, захватывают резкие, но такие естественные повороты сюжета.

В книгу известного израильского писателя Михаила Ландбурга вошли новеллы, написанные пером мастера и посвященные вечным темам: любви, верности, одиночеству, жизни, смерти...

Содержание

Пиво, стихи и зеленые глаза	4
Белый ветер	8
Мое бедное, печальное лето	11
Листопад	15
Розы на подушке	19
Красное солнце, синее дерево и желтые апельсины	22
Концерт Шумана	24
Рыбья кровь	32
Бледная лягушка	36
Анютины глазки	40
Тишину на память	45
Сыновья Таля	48
Сиреневое облако	53
Очки	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Михаил Ландбург

Пиво, стихи и зеленые глаза (сборник)

Пиво, стихи и зеленые глаза

Когда в небольшом городишке одиноких мужчин всего двое, а пивной бар лишь один, то по вечерам вы непременно сможете встретить меня и Давида вместе.

Мы неторопливо распиваем первую кружку, потом другую, а перед тем, как взяться за третью, Давид поднимает ко мне глаза, и это означает, что наступило время послушать его стихи.

Разумеется, я делаю вид, что слушаю очень внимательно, на самом же деле думаю о всякой всячине, потому что, пока человек заодно с этим миром вертится, всё время приходится думать о всякой всячине.

– Ты чего? – в изумлении спрашиваю я, потому что сегодня Давид глаза не поднимает, а его лоб, вдруг побелев, покрывается капельками пота. – Ты чего?

В раскрытые двери заглядывает полицейский, но, увидев нас, на его лице появляется тоскливое выражение, и он, вдруг громко зевнув, исчезает.

– К чёрту! – говорит Давид. Сегодня глаза у него словно перевернутые.

– Читай же, – осторожно предлагаю я, – читай свои стихи!

Молчит Давид, задумчиво смотрит в кружку.

– Мой кот, Мики, подох! – вдруг говорит он. – Утром небо было синее-синее, а Мики взял и подох.

«Бедняга Мики!» – думаю я. Иногда Давид брал его с собой в бар и даже разрешал ему отпить из кружки немного пива. Я думаю, что Мики нравилось сидеть с нами и слушать стихи Давида.

– Мики подох! – говорит Давид снова. – Когда взошло солнце, я решил искупать его, а он взял и подох...

– Не верь! – говорю я.

– Что?

– Не верь! – повторяю я.

– Как же не верить, если...

– Не верь, и всё тут! Может, Мики подох частично?.. Говорят, что тело умирает, а душа продолжает жить ещё...

– Думаешь, что...

– Почему бы нет?

– Глупости! – говорит Давид. – У Мики были усы, хвост, зелёные глаза, а души не было... У котиков не бывает...

– Может, у Мики была?

– Ты так думаешь?

– Может, перед тем, как... Может, он знак какой-то подал?

– Я писал стихи, – говорит Давид, – а Мики лежал на столе и смотрел, как я пишу. И вдруг подох...

– Не верь! – говорю я. – Другого выхода нет... Ты вот запомни, что другого выхода нет... Когда от меня ушла моя девушка, я не поверил, что она ушла; её не было рядом, а я не верил... И сейчас не верю... Скоро тридцать лет, как не верю...

Давид кладёт на стол пачку сигарет, но не закуривает.

– Зачем? – вдруг спрашивает он. – Раз знаешь, что твоя девушка тебя оставила, то зачем?..

– Другого выхода нет! – говорю я. – В парке была «наша скамейка», а вокруг неё – «наши кусты»... И «наша тишина»... И дыхание моей девушки. А когда она вдруг... Я не поверил... Кусты давно уже вырублены, скамейка развалилась, а я всё равно прихожу в парк и говорю себе: «Здесь ты... Здесь...» Знаешь, у моей девушки были зелёные глаза...

– Правда?

– Зелёные!

– Надо же!.. – Давид поднимает ко мне голову. – А мой Мики подох...

– Не верь! – говорю я.

Мы молча выпиваем ещё по кружке.

– Надо же!.. – говорит Давид и вдруг, взглянув на часы над стойкой бара, вскакивает с места, словно пчелой ужаленный.

– Ты куда? – спрашиваю.

– Пойду я! – отвечает Давид. – Время кормить Мики!

Белый ветер

Это нашло на них вдруг – словно провал тишины или вспышка лесного пожара.

– Ишь ты! – тяжело выдохнула она. – Ишь ты!

Он приподнял брюки, поправил сбившуюся на потной спине рубаху и отвернулся.

– Уходишь? – спросила она.

– Я – человек! – ответил он.

– Что?

– Люди всегда уходят.

– Захочу ещё! – сказала она.

– Неважно! – ответил он.

– Нет?

– Нет!

– Я всё равно захочу ещё!

– И я!

– Да?

– Неважно...

В комнате было и чисто, и светло.

– Приду ещё, – сказал он.

– Не надо! – ответила она.

– Нет?

– Нет!

Он помолчал.

– У тебя горячее плечо, – сказала она.

– Да?

– И пальцы тоже... – у неё напряглись глаза, а потом шея.

– Теперь ты как школьница! – сказал он.

– Что?

– Как школьница в ночь перед экзаменом.

У неё напряглись ещё и губы.

Она прошептала:

– Однажды мой муж повесился.

– Вот как?

– Мужчина в жизни женщины всегда испытание.

Он продолжал смотреть на её губы.

– Живые – живут! – сказал он.

– А кто ни жив, ни мёртв?

– Таким на земле не место!

Она отвернула голову.

Вдруг он прошептал:

– Я сказал глупость?

– Мне понравилось!

– Да?

– Скажи глупость ещё!

– Зачем?

– Когда мужчина говорит глупость, он говорит искрен-

не...

– Ты о чём?

– О живых и мёртвых, и о тех, которым не место...

– Я приду ещё! – сказал он.

– Не надо!

– Нет?

– Нет!

– Жаль! – он заглянул в её глаза. Они были сухие и светлые. – Сейчас ты не как школьница, а как богиня!

– Та, что на Олимпе?

– Упаси Бог! – сказал он, подумав: – «Самое опасное в жизни – это оказаться на Олимпе...»

– Это закон?

– Закон!

В дверях она сказала:

– Оставлю Олимп и переберусь на маленькую горку.

– Так-то лучше! – сказал он и поклонился.

Возле домика вдовы лежали две грязные козы и тощий козёл, а по пустырю, заросшему дикой травой, бегал лёгкий белый ветер.

Мое бедное, печальное лето

Даниэлю Клугеру

Когда тебе за пятьдесят, то хозяева нороят как можно быстрее от тебя избавиться, заявив, что сейчас в стране экономическая лажа и ещё всякое такое...

Теперь мне приходится целыми днями мотаться в поисках другой работы, а намотавшись без всякой пользы, брести к центральной автобусной станции, где в одном из киосков давняя знакомая всегда готова угостить рюмкой вина.

Сегодня она вдруг говорит, что мне не мешало бы приобрести новый костюм.

– Как это? – вздрагиваю я.

– Тебе просто необходимы новый пиджак и брюки!

– Сейчас не время! – говорю я. – Теперь в стране экономическая лажа и всякое ещё такое...

– Хотя бы брюки...

Пью и думаю, сколько же это человеку нужно потратить сил и денег, чтобы досыта поесть, оплатить жильё и приобрести диск джазовой музыки, а потом, устав от беседы с самим собой, я кланяюсь знакомой из киоска и бреду домой.

– Ничего? – спрашивает жена.

– Ничего! – отвечаю я.

Жена качает головой и устало улыбается, а я отворачиваю

голову, потому что самое для меня печальное, это видеть, как жена устало улыбается.

– Поешь вот! – говорит жена.

Заглядываю в зелёную кастрюльку – на дне три рисовые галочки. «М-м-да...» – думаю я, потому что на прошлой неделе рисовых галочек было три и вдобавок ещё кусочек рыбы.

– Нет аппетита, – говорю я.

– Поешь позже!

– Поешь ты! – смотрю на усталое лицо жены, а потом смотрю на её руки. Кажется, они тоже усталые.

– Пойду и прилягу, – говорю я.

В это лето я заставляю себя засыпать рано, так как иногда удаётся увидеть значительный сон. Например, на прошлой неделе в моём сне звонил телефон.

– Господин Лан? – спросили меня.

– Верно! – признался я.

– Побеспокоить разрешите?

Я разрешил.

– Говорит член комиссии по выборам нового мэра города.

Вы ведь голосовать будете?

– Нет! – сказал я.

– Вы против выборов?

– Нет!

– Выходит, голосовать будете?

– Нет!

– Простите, вы господин Лан?

– Да!

Член комиссии по выборам мэра города немного помолчал, а потом вслух предположил:

– Надеюсь, вы – гражданин достойный?

– Да! – ответил я. – И моя жена – достойная, и мои дети – достойные, и мои внуки... Они ещё достойнее, чем моя жена и мои дети!..

– Выходит, ваши внуки голосовать уж точно будут!

– Нет!

– Как же так?

– Мои внуки ещё не родились и, кроме того, разве новый мэр города не станет таким же лгуном, как и прежние?

– Однако, согласитесь, что выбрать мэра города необходимо!

– Выберите меня!

Член комиссии снова помолчал.

– Зачем это вам? – вдруг сказал он. – Зачем вам потом становиться лгуном?..

– Ладно, – заявил я, пытаюсь изо всех сил не просыпаться, – свою кандидатуру снимаю!

Но обычно я просыпаюсь...

Сегодня ничего значительного мне не приснилось, и этот факт меня сильно обеспокоил. Я позвонил в поликлинику.

– Доктор, – сказал я по телефону, – как сделать, чтобы уснуть эдак на лет пять?

– А что? – спросил доктор. – Проблемы?

Я подумал о новом костюме и о рисовых галочках на дне зелёной кастрюльки.

– Нет-нет, разумеется, – сказал я, – никаких проблем!

– Не верю!

– Нет?

– Так не бывает!

– Доктор, мне бы хотя бы пять лет пожить во сне...

– Пять лет?

– Да, доктор!

– Во сне?

– Именно так, доктор!

Кажется, доктор задумался, и вдруг спросил:

– Считаете, что жить во сне – это нормально?

– А жить не во сне? – спросил я в ответ.

Доктор извинился, сказав, что у него много работы.

Я вернулся в постель, надеясь, что сегодня, если и не удастся увидеть во сне что-либо значительное, то хотя бы не своё ближайшее будущее.

Листопад

Семену Злотникову

С наступлением весны хозяин крохотного кафе решил выставить несколько столиков на тротуар, и, воздев голову к небу, торопливыми губами стал просить о помощи и удаче.

Первыми посетителями оказались девушка с печальным лицом и молодой человек с длинными волосами и пронзительно синими глазами. Девушка пила апельсиновый сок и разглядывала прохожих, а молодой человек пил пиво и разглядывал девушку.

– Нечем заняться? – не выдержала девушка.

Молодой человек молча пожал плечами и едва заметно улыбнулся.

– Зачем? – не унималась девушка. – Зачем вы разглядываете моё лицо?

– Я его не разглядываю, – проговорил молодой человек, – я его слушаю.

– Слушаете лицо?

– Разве вы не знаете, что если лицо разглядывать долго, то, в конце концов, оно заговорит.

Девушка перевела взгляд на улицу, на окно магазина, на женщину с коляской и вдруг спросила:

– Моё лицо разглядывали долго?

– Достаточно долго, чтобы услышать, как вы жалуетсяе на тоску.

– Вы слышали?

– Разумеется!

Девушка задумчиво опустила голову.

– А вы... – спросила она потом. – Кроме разглядывания лиц, вы чем-либо ещё занимаетесь?

– Листопадом!

– Что?

– Пишу стихи о листопаде.

– Писать о листопаде – ваше основное занятие?

– Любимое!

– Всегда о листопаде?

– Постоянно!

– А когда листопада не бывает?

– Он бывает всегда!

– И зимой?

– Конечно!

– И летом?

– Непременно! Листопад бывает вечно...

– Понятно! – рассмеялась девушка. – Вы – сумасшедший!

Молодой человек радостно кивнул головой.

– Выходит, вы догадались, что я поэт! – сказал он.

Девушка поспешно допила сок и прошептала:

– Мне, пожалуй, пора...

– Уходите? – молодой человек заглянул в свою кружку и

забавно надул щёки.

– Так оно в жизни: кто-то уходит, кто-то приходит... Ни-
что не вечно, кроме, разумеется, листопада, не правда ли?

– Святая правда!

– Сумасшедший!

– А вы – нет! К сожалению...

Уронив на стол подбородок, девушка закрыла глаза.

– Я – дура, да? – спросила она потом.

– Это – да!

– А может, сумасшедшая?

– Это – нет! К сожалению...

– Я чувствую себя курицей, – вдруг проговорила она. –

Почему я чувствую себя курицей?

– Не знаю.

– Но я – дура, да?

– Это – да! Вглядитесь в небо...

– Что там? – уныло проговорила девушка. – На что мне
смотреть?

Молодой человек снова надул щёки и вдобавок выпучил
глаза.

– Смотрите, – потребовал он, – и вы кое-что услышите!..

– Смотреть долго?

– Долго-долго, если хотите услышать...

– Хочу... О любви...

– Вот вы о чём!..

– Я услышу?

– Об этом – нет!

– Даже если буду смотреть долго-долго?

– Это невидимо... И говорить об этом тоже ни к чему... – молодой человек внезапно поднялся, криво улыбнулся и шагнул в толпу прохожих.

Розы на подушке

Задержав задумчивый взгляд на дверном окошке, Вика неторопливо повернула ключ.

– Соскучилась? – спросил Нир.

Вика не ответила.

– Очень? – Нир протянул букетик из трёх чайных роз.

– Присядь! – сказала Вика, принимая цветы.

В комнате оказался один-единственный стул.

– А ты? – спросил Нир.

Не выпуская из рук розы, Вика присела на колени Нира.

– Удобно? – поинтересовался Нир, смущаясь оттого, что громко хрустнули его колени.

Вика улыбнулась и, кивнув на двери спальни, прошептала:

– Там удобнее!

Опустив розы на подушку, она закрыла глаза; Нир лёг рядом в надежде, что на сей раз у него получится...

– Ты чего? – спросила Вика.

– Мне бы отдышаться!

– Отдышись! Я подожду!

Нир продолжал лежать недвижимый, но вдруг, приподняв голову и широко раскрыв глаза, он принялся декламировать из «Интернационала»: «Это есть наш последний и решительный бой...»

И тогда Вика заплакала.

По спальне носился нежный запах роз.

– Ты зачем здесь? – спросила Вика.

Нир объяснил:

– Оттого, что больно мне видеть, как в одиночестве томишься...

Вика вздрогнула.

– Женщины томятся в любом случае, – шептала она, прикрывая заплаканное лицо чайными розами, – и в браке томятся, и в одиночестве...

– А в чём больше?

– Что тянется дольше! – отрезала Вика. – Что тянется дольше, в том и томятся больше!

– Как у мужчин! – заметил Нир. – У мужчин процесс томления похожий...

– Лжёшь? – не поверила Вика.

– Конечно!

– Печально!

– Очень!

Они помолчали, потому что каждый стал думать о своём... Потом Вика спросила:

– Отдышался?

– Не уверен! – признался Нир.

– Что ж, подожду ещё...

– Кажется, сегодня придётся ждать долго, – всхлипнул

Нир и стал одеваться.

Возле двери Вика, озабоченно взмахнув ресницами, спро-

сила:

– Куда ты теперь?

– Вернусь к себе в реанимационную...

Вика покачала головой.

– Да, тебе нужно отлежаться! – сказала она.

– Отлежусь! – пообещал Нир. – Приду в себя, и тогда

мы...

– Нет! – вскрикнула Вика. – Вряд ли мы... Вряд ли уже...

Нир вспомнил про «Интернационал».

– Попытаюсь ещё... – сказал он.

– Придёшь? – у Вики были сухие бледные губы.

– Позвоню, – сказал Нир, – лучше я позвоню...

Вика закрыла глаза.

Постояв немного за дверью, Нир подумал о чайных розах и, отдышавшись, стал спускаться по лестнице.

Красное солнце, синее дерево и желтые апельсины

В то утро, когда Малышу исполнилось четыре года, ему подарили альбом для рисования и коробку с цветными карандашами.

– Рисуй, Малыш, – сказал отец, – мир красив!

– Да, папа, мир красив! – согласился Малыш и, раскрыв альбом, нарисовал по середине белого листа большой красный круг.

– Ван-Гог! – сказал отец.

– Почему Ван-Гог? – насутился Малыш, опасаясь подвоха.

– Был такой художник, – сказал отец.

– Он тоже нарисовал солнце?

– Тоже!

– Так же красиво, как я?

– Ага! – засмеялся отец.

– Молодец, Ван-Гог! – похвалил художника Малыш, и потом нарисовал синее дерево и на нём жёлтые апельсины.

Отец поднял Малыша на плечи и они, шагая по комнате, громко восклицали: «Красивый мир! Красивый мир! Красивый мир!»

А после обеда началась война, и тогда отец и сосед-бух-

галтер обули солдатские ботинки.

– Малыш, – попросил отец, – подари мне твой рисунок!

Малыш протянул листок из альбома, на котором было нарисовано красное солнце, синее дерево и жёлтые апельсины, а мама отошла к окну и там стояла весь день и всё следующее утро, и ещё день, и ещё утро...

А спустя несколько дней, в дверях появился военный и, увидев его, мама тихо вскрикнула. В руках он держал надорванный листок, на котором было нарисовано красное солнце, синее дерево и жёлтые апельсины.

– А где мой папа? – спросил Малыш.

Военный не ответил. Он встал рядом с мамой и стал тоже смотреть на улицу.

– Это я нарисовал! – сказал Малыш, забирая листок из рук военного.

– Да, – ответил военный, – я знаю!

– Мир красив, правда? – сказал Малыш.

– Очень! – голос военного был сухой и усталый.

И вдруг мама заплакала.

Малыш стоял в стороне и смотрел то на слезинки, застрявшие на маминых ресницах, то на бледное лицо военного.

– Мамочка, я нарисую ещё! – пообещал Малыш.

Мама молча кивнула головой и отвернулась, а Малыш поспешил к себе в комнату, чтобы нарисовать новый красивый мир, в котором красное солнце, синее дерево и жёлтые апельсины.

Концерт Шумана

Э. Р.

– Уймись, парень! – сказал полицейский.

* * *

Несколько часов назад молодой человек спросил:

– Прогуливаетесь?

Женщина молча повернула голову.

– Мне с вами можно?

Она не ответила.

Внезапно подул холодный ветер, и закружились лёгкие капли дождя.

– Наверно, я веду себя смешно? – спросил он.

– Наверно!

– Ну, и пусть!

– Пусть! – отозвалась она.

– Я ведь не обязан оправдываться?

– Нет! – склонив голову на бок, она смотрела в даль улицы.

– Вас кто-то ждёт?

Она не ответила.

– Понятно! – рассмеялся он.

Она резко остановилась.

– Простите! – прошептал он. – Ради Бога, простите!

Вдруг капли дождя стали крупными и тяжёлыми.

– Холодно? – спросил он.

Она продолжала стоять молча.

– Мы не прихватили с собой зонтики, – заметил он. – Без зонтиков холодно...

– К чему же тогда спрашивать?

– Действительно, ни к чему... Там, в пассаже, небольшой ресторанчик...

Они сидели за столиком возле окна и поедали горячие сосиски с горчицей.

– Нормально? – спросил он.

– Терпимо! – женщина вдруг поднялась с места. – Мне пора.

– Уже? – он с грустью посмотрел на тарелки с недоеденными сосисками.

Она улыбнулась:

– Уже!

– Вы – красивая! – сказал он.

– Ну, и что?

– Как что?

– Вот именно, ну, и что?

– Вы уходите?

– Разумеется!

– Я провожу!

– Нет-нет!

– Тогда я позвоню?

Она покачала головой.

– Нет? – спросил он.

– Зачем вам? – она задумчиво посмотрела в окно. – Я старше вас...

– Правда?

– Разве не заметно?

– Я подумал, что...

– Я просто решила немного пройтись... – перебила она. – Потом был дождь, и стало холодно... Сосиски были горячие... Теперь дождя больше нет...

Он положил деньги на столик, и они пошли к выходу.

– Надо же: мы с вами живём в одном городе, – сказал он.

– И что с того?

Заглянув в её лицо, он надеялся увидеть улыбку, но женщина не улыбалась.

– Если, – прошептал он, – если захотите ко мне в гости, то... Если вдруг...

– Нет!

– Нет?

Она пожала плечами:

– Решили побаловаться? – спросила она.

Он тоже пожал плечами:

– Пожить! – ответил он.

Она замедлила шаг и тихо проговорила:

– Балуетесь жизнью?

Он улыбнулся:

– Она-то ведь нами балуется...

Женщина опустила глаза. Он ждал, что она что-нибудь скажет. Она не сказала.

– Бывает, что ждать некого, – проговорил он, – но, тем не менее, ждёшь... Вы не из таких?

– Не из таких! – отозвалась она.

Он покачал головой.

– Я даже не знаю, как вас зовут, – сказал он.

Она назвалась:

– Вайнер!

– Это ваша фамилия?

– Верно!

– А имя?

– Вайнер – этого достаточно...

– Достаточно для чего?

– Вот именно, для чего?

Небо опустилось совсем низко и стало быстро темнеть.

– Я пройду ещё, – сказал он, не трогаясь с места.

– Прощайте! – весело проговорила женщина и перевела взгляд на угловое здание в конце улицы.

– Ваш дом – там?

– Мой дом – во мне, – она уходила широким торопливым шагом.

Он видел, как женщина входила в подъезд углового здания, и вдруг подумал: «Кажется, моё сердце скулит».

Побродил ещё.

Подумал о всякой всячине.

Всё казалось несущественным.

Повернул к себе домой.

В комнате было, как в рассказе Хемингуэя, светло и сухо.

Включив проигрыватель, он слушал ля-минорный концерт Шумана.

Закрыл глаза.

Расслабился.

Открыл глаза.

Посмотрел на книжную полку, на тёмное окно, на узкий диван, на свои руки.

Снова закрыл глаза.

Вернулся к Шуману и, вдруг вздрогнув, подумал: «Что со мной?..»

Книжная полка.

Тёмное окно.

Узкий диван.

Ночь.

Шуман.

Набрал по сотовому 114:

– Девушка, можете отыскать номер телефона госпожи Вайнер?

– Помогу! – ответила девушка и помогла.

Заставляя себя не торопиться, он считал: «Один, два, три...»

Шуман... «Карнавал»...

«Семь, восемь, девять...»

Он обожал Шумана.

«Шестнадцать, семнадцать, восемнадцать...»

Он обожал всех трёх парней на букву «Ш»: Шопен, Шуберт, Шуман.

«Двадцать один, двадцать два, двадцать три...»

Снова достал сотовый и спросил:

– Хотите видеть меня?

– Нет! – сказала женщина.

Он слушал её дыхание.

– Почему замолчали? – спросила она.

Он объяснил:

– Даю вам время передумать!

Она не передумала. Послышался щелчок упавшей трубки.

Шуман...

Заканчивалась первая часть концерта.

«Каждому своё место, – подумал он. – Моё – на этом ди-ване... На этом...»

Позвонил снова:

– Запишите номер моего сотового! Пожалуйста!

– Зачем?

Он не ответил.

Схватив проигрыватель, спустился к машине.

В воздухе пахло ночным бездельем.

«Дослушаем вместе, – решил он. – Всего лишь это... Мы

дослушаем концерт Шумана вместе, и я вернусь к своему дивану...»

Подключив проигрыватель к сети электропитания машины, он повернул ручку громкости до предела и широко раскрыл дверцы.

Ночь была холодная.

И руки.

И спина.

И губы.

Огромная серая туча неторопливо, но угрожающе заползала на луну.

Он растёр себе спину.

И грудь.

И колени.

Напряжённо взгляделся во вдруг запорхавшие в окнах углового здания огоньки и неожиданно понял, что ночь – частица жизни.

И страха.

И радости.

И надежды.

Заиграл сотовый.

– Вы разбудили весь дом! – сказала женщина.

– Хотел не весь дом... Я подумал, что, если не я вам, то хотя бы Шуман понравится...

– Господи, не понимаю, зачем вы это...

– Радостно мне! – сказал он. – Хочу, чтобы и вам тоже...

Чтобы нам вместе...

* * *

– Уймись, парень, – повторил полицейский, – поостынь!

Высунув головы из окон углового здания, сонные люди с изумлением разглядывали стоящую посередине проезжей дороги машину с широко распахнутыми дверцами, а подле неё грозно мигающий синими глазами полицейский джип.

В одном из окон он увидел её и ощутил, как замечательно скулит его сердце.

– Виноват! – сказал он полицейскому. – Мне слишком хорошо!

– С ума сошёл? – спросил полицейский.

В густых ветвях деревьев, подняв неуёмный крик, всполошились птицы.

– А вы, господин полицейский, их послушайте! – ответил он и, кивнув на деревья, раскатисто, никак себя не сдерживая, рассмеялся.

Рыбья кровь

Феликсу Куперману

Ибрагим с самого утра стоял у окна и неотрывно смотрел на море. И вчера тоже смотрел. И позавчера... А Фариаль забила в угол и молча наблюдала за мужем. И вчера наблюдала. И позавчера тоже...

Зная, что море и лодку муж любит гораздо крепче, чем её, она всё-таки посмела выкрикнуть:

– Оставь море! Бог проклял это море, и теперь рыбаки Яффы возвращаются на берег с пустыми руками.

Ибрагим обернулся и внимательно заглянул в жёлтое плоское лицо жены.

– Дура! – проговорил он.

– Это вы, рыбаки, глупые, если не видите, что рыбы подымают от ненависти к вам...

– Заткнись! – попросил Ибрагим и, сплюнув себе под ноги, вернулся к окну.

– Если не оставишь это море, и я, и наши дети умрём от голода.

«Фариаль – дура! – решил Ибрагим. – Где такое видано, чтобы рыбы ненавидели рыбаков?»

На бровях Ибрагима, носу и даже губах выступил горячий пот, потому что всегда знал: если когда-нибудь оставит море,

то непременно сам умрёт от горя.

Встряхнув головой, словно конь, глаза которого облепили неуёмные мухи, Ибрагим приблизился к жене и наотмашь ударил по плоскому жёлтому лицу. Словно мешок, сброшенный с телеги, Фариаль свалилась на пол и протяжно заскулила, а Ибрагим, сплюнув в сторону жены, постоял над ней в задумчивости, а потом снял с полки бутылку арака и вышел из дома.

Сжимая в ладони бутылку и жадно глотая воздух, Ибрагим шёл туда, где у самой воды покачивалась его лодка. Отпив из бутылки, он ощутил, как его тело наполняется теплом. Потом он глотнул ещё несколько раз и шагнул в лодку.

– Дура! – прокричал он в темноту и опустился на днище возле кормы.

Господи, его лодка! Он никогда с ней не расставался и даже в ней родился, потому что так хотел отец. Ну да, когда настал час, отец, подняв жену на руки, вынес её из их палатки, опустил в лодку, а сам остался ждать на берегу, пока не родился его сын Ибрагим.

Отпив из бутылки ещё, Ибрагим облизал губы и, с горечью вспомнив, что Фариаль рожать в лодке отказалась, исподлобья посмотрел на застывший над морем большой глаз луны.

Со стороны города доносились гудки автомобилей, потому что жизнь в Старом Яффо, по-настоящему, начиналась с наступлением ночи, и только по утрам сквозь стены до-

мов иногда прорывались полустоны-полуплачи, ибо в Старом Яффо умирали лишь на рассвете.

Отпив ещё и ещё, он погрузился в забытё, оставаясь в нём до тех пор, пока к горлу не подступила тошнота, а перед глазами не возникли губы Фариаль, шепчущие страшную фразу: «Бог это море проклял!»

Ибрагим поморщился от мерзкого запаха, рвущегося из его горла, а потом, подобрав под себя ноги и встав на четвереньки, стал, словно животное, ползать по днищу лодки. Он ползал, сбивая колени о вёсла, и шумно сопел, а выбившись из сил, упал на горку рыбацких сетей.

– Господи! – хрипел он, лаская пустые сети. – Господи!

Он с трудом приподнялся и, не выпуская из рук сети, перегнулся через борт лодки. Его стошнило снова.

И вдруг он ощутил, как под его пальцами вздрогнуло маленькое тельце дохлой рыбёшки. «Ты пришла... – проговорил Ибрагим, обхватив тельце. – Ты всё-таки пришла...»

Вдали мерцали тихие огни Ашдодского порта, а из Старого Яффо доносились обрывки радостных возгласов, потому что всё ещё стояла ночь, и до утра было далеко.

«Ответь, рыбка, – просил Ибрагим, – разве ты смеёшься надо мной? Разве ненавидишь?»

Молчала рыба, как только рыба умеет молчать, но Ибрагим продолжал: «Я знаю, что у тебя есть сердце, как есть сердце у меня, так сжался, ответь мне!..»

Выждав немного, Ибрагим тяжело вздохнул, сбросил

тельце за борт и, пошатываясь, выбрался из лодки на берег.

«Холодная у вас, рыбы, кровь...» – подумал он, пробираясь по песку домой.

В окне горел свет.

«Как же теперь?» – подумал Ибрагим и, рванув на себя дверь, недвижно встал у порога.

На кровати, прижавшись к Фариаль, сидели четыре его дочки.

– Убирайтесь! – крикнул он дочкам и добавил: – Дуры!

Фариаль издала глухой стон и отвернула голову, и тогда Ибрагим, шагнув в комнату, подошёл к жене, молча заглянул в её разбитое лицо, погасил свет и, не раздеваясь, улёгся на пол возле кровати.

«Утром умру от горя!» – решил он.

Бледная лягушка

Издав глухой протяжный зевок, лифт в гостинице, наконец, остановился, и женщина, поспешив в номер и сбросив туфли на пол, опустилась на кровать.

«А дальше? – подумал мужчина. – Что дальше?»

Словно прочитав его мысли, женщина проговорила:

– Курица в холодильнике, но если ты не голоден и не хочешь спать, то можно пойти в гости к господину Лисину.

– К этому журналисту?

– Утром, на пляже, он любезно пригласил нас к себе, – напомнила женщина.

– К журналистам не хожу! – отрезал мужчина. – Ни к журналистам, ни к проституткам.

Женщина силилась улыбнуться.

– А как насчёт курицы из холодильника? – спросила она.

– Вполне! – ответил он. – Одень-ка своё серо-голубое платье, и мы, нежно обнявшись, высвободим озябшую птицу из холодильника, а затем элегантно, не торопясь, но вдохновенно сожрём её.

– Какая прелесть! – мрачно проговорила женщина.

«А потом? – подумал мужчина. – Что же потом?»

– Потом мы снова вернёмся в кровать! – женщина перевела взгляд на немые стены комнаты, подошла к окну и стала наблюдать за вечерней улицей.

«Приличие подсказывает, что и мне тоже следует подойти к окну», – подумал мужчина, но не двинулся с места.

В комнате стоял полумрак.

«Вот так всегда, – мужчина издали посмотрел на мерцающие плечи женщины, на её гладкие, коротко постриженные волосы, – каждый раз, когда стараешься полюбить, что-то непременно мешает: то запахи дешёвой гостиницы, то неожиданное касание острого локтя, то слюна, упавшая на грудь, то рассказ из печального прошлого – что-то непременно случается...»

– Подойди ко мне! – попросил он.

Женщина повиновалась.

– Любишь? – спросил он.

– Хочешь, чтобы я сказала «люблю!»

– Скажи!

– Это всего лишь слово, но если ты хочешь...

Он не ответил.

Она промолчала.

Они молча лежали в темноте, и он держал ладонь у неё на груди.

– День ушёл! – вдруг сказала женщина.

– Наверно.

– Ты не уверен?

– Я сказал «да».

– Ты сказал «наверно».

– Разве это не одно и то же?

Женщина потянулась к настольной лампе, включила свет.
На потолке виднелось бледное пятно.

– Словно бледная лягушка, – проговорила женщина.

Мужчина смотрел на женщину.

Женщина – на пятно.

«С ней расстанусь так же легко, как и с теми, что были до неё», – подумал мужчина.

Женщина перевела взгляд на мужчину.

«Одни любят, а другие себя любить позволяют», – подумал он и спросил:

– Надеюсь, ты меня не любишь?

– Не знаю.

– Надеюсь, что нет!

– А если – да?

– Не надо!

Женщина закрыла глаза.

«Я – дрянь, – подумал о себе мужчина, – а пятно на этом потолке вовсе не бледная лягушка, а бесцветная тоска».

– Уйдём отсюда! – сказал он. – Возьмём напрокат лодку и уплывём!

– Далеко?

– Очень-очень!

– Пока не повстречаемся с акулой?

– Да с огромной безобразной акулой!

– И она сожрёт наши вёсла?

– Разумеется!

– И что тогда?

– Тогда повернём назад...

– Как же без вёсел?

– Мы вернёмся вплавь.

– Мы будем плыть долго?

– Очень-очень!

– А если выбьемся из сил?

– Тогда плыть прекратим.

– И утонем?

– Мы взберёмся на самую высокую волну и примемся

громко плакать.

– Громко?

– Очень-очень! Нам это будет просто необходимо...

– Чтобы очистить лёгкие?

– Конечно! Так возьмём напрокат лодку?

Анютины глазки

Исааку Шатиру

Пёс с большим коричневым телом и рыжими глазами обнюхивал клумбу с цветами, поэтому господин Лин, который боялся крупных собак, хотел было пройти мимо. И вдруг пёс, приподняв морду и пристально посмотрев на господина Лина, замер в недоумении.

Перехватив взгляд собаки, господин Лин стоял, казалось, замороженный, не в силах ни о чём-либо думать, ни что-либо ощущать; он неотрывно глядел туда, где в рыжей глубине собачьих глаз тихо покачивалась печаль. Нет-нет, господин Лин не мог ошибиться – он точно знал, как печаль выглядит, как покачивается в глубине глаз... Наклонив набок голову, господин Лин решил заглянуть в глаза пса под иным углом, но ничего не изменилось: в глазах собаки по-прежнему покачивалась печаль...

– И у тебя тоже, – неожиданно для себя проговорил господин Лин. – И у тебя тоска?

Пёс вздрогнул и ответил таким же наклоном головы.

У господина Лина возникло ощущение, будто не он заглядывает в глаза псу, а наоборот, пёс заглядывает в его, господина Лина, глаза. На какое-то мгновение показалось, что пёс улыбнулся, и это обстоятельство крайне смутило господина

Лина. Он отвёл взгляд от собаки и стал обстоятельно разглядывать клумбу с анютиными глазками.

Вдруг пёс хрипло чихнул.

«Будь здоров!» – чуть было не проговорил господин Лин, но, заметив под челюстью пса огромные, зависшие, словно коричневые лепёшки, щёки, к нему снова вернулся страх.

И всё же, унося с собой большое коричневое тело, первым отошёл от цветочной клумбы пёс.

Ночью, подсев к окну, господин Лин прихватил с собой большую бутылку вина, потому что в эту ночь исполнилось ровно шесть лет, как не стало его жены.

За окном, будто неудачно изготовленная декорация, неестественно зависли стены домов, а над ними с опустошённым взглядом обморочного лица выглядывала луна.

Приоткрыв рот, господин Лин принялся вливать в себя вино до тех пор, пока не вышел, наконец, из состояния окаменения и ощущения досадной усталости от себя и от мира. Его сильно качнуло и, разбросав по сторонам руки, он успел заметить, как луна, некрасиво надувшись, упала в пустоту немой улицы...

...Когда господин Лин поднялся с пола, за окном, в ветвях деревьев, суетились воробьи, с белесого неба поспешно отступали облака, а часы на здании городской почты показывали четверть шестого.

Господин Лин обернулся, задумчиво посмотрел на опрокинутый стул и, встретившись со взглядом жены на портре-

те, тихо вздохнул. И вдруг его тряхнуло.

В последние годы господин Лин время от времени испытывал различные толчки: то его толкало к бесконечным размышлениям, то к молчаливому созерцанию мира, то к могиле жены, то к вечерним облакам, то к вину, то... Толчки были бесконечными, неожиданными, но постоянными.

Теперь, стоя перед портретом жены, он недоумевал, отчего умные люди так много пишут и рассуждают о жизни, когда всё так ясно: печалишься сам и печалишь других – вот и вся суть, и ничего иного в этой жизни не случается, ничего...

Его снова тряхнуло.

На этот раз толчок призвал господина Лина спуститься в город и разыскать пса с большими печальными глазами.

Подчиняясь толчку, господин Лин обмяк, его тело сладостно содрогнулось, словно оказалось в любимой женщине, и, гонимый толчком, он вышел из дома, чтобы разыскать пса.

Господин Лин опускался на скамейки, чтобы немного передохнуть, а затем поднимался и шёл дальше – он всегда знал, что жизнь – это влекущая к себе пытка, и что в природе все квиты, потому что все получают то, что отдают, и все отдают то, что получают.

Он шёл, всё чаще поглядывая на небо, словно догадывался, откуда берутся в нём силы. По щекам катился холодный пот и ему казалось, что сердце вот-вот разорвёт грудь.

«Где же ты? – шептал господин Лин. – Нам бы... Слышишь, пёс, нам бы пообщаться...»

Пса не было. Нигде не было.

«Может, в ту ночь его убила печаль?» – подумал господин Лин и внезапно остановился, испугавшись мысли о том, что это не он остановился, а его сердце.

И вдруг его снова тряхнуло – вспомнил про цветочную клумбу.

Он ступил вперёд, потом ещё и ещё...

Анютины глазки по-прежнему глядели своим недоуменным взглядом, и в их глазах печаль казалась тихой, нежной и тёплой. Господин Лин опустился перед цветами на колени, ощутив податливость земли и покоя в себе самом. В анютиных глазках он увидел какую-то необъяснимую глубину, осмысленность и мудрость безмолвия. И внезапно...

На противоположной стороне улицы стоял пёс с большим коричневым телом.

«Ты выбрался! – радостно подумал о псе. – Ты выбрался из этой ночи!»

Господин Лин смотрел на пса, и ему почудилось, что в эту минуту они узнают друг о друге что-то удивительно сокровенное.

«Ты разыскивал меня, – подумал господин Лин о псе, – ты, конечно, разыскивал меня!..»

Пёс глядел то на своего нового приятеля, то на клумбу с анютиными глазками, и господину Лину показалось, что пёс что-то сказал.

Потянувшись к клумбе, господин Лин губами коснулся

цветов так, как касаются глаз любимой.

«Иди же, – позвал он пса, – иди же к нам!»

Тишину на память

*Ни ты, ни я не хотим встречаться,
Ты оттого, что... сама знаешь.*

Гарсиа Лорка

Когда и на третий день она пришла к морю и легла рядом, он уже твёрдо знал, что влюбился.

Две чайки, о чём-то прокричав, пролетели совсем близко.

Ему было радостно смотреть на её большие светлые глаза и длинные мягкие волосы.

– Ты настоящая женщина, да? – спросил он и почесал себе затылок, потому что был в том возрасте, когда ещё почёсывают себе затылок.

Она не ответила.

– Настоящая! – убеждённо проговорил он.

– Жарко! – вдруг поднявшись, сказала она, и они, обжигая в горячем песке ноги, побежали к воде. Вдали, на горизонте, виднелись рыбацкие лодки.

– Хорошо? – спросил он.

– Господи! – ответила она.

Приветствуя взмахами рук набегающие волны, они теряли себя в них, а потом, вынырнув, собирали в ладони искрящиеся брызги.

– Хорошо? – спросила она, когда они вернулись на берег.

– Господи! – ответил он.

Мимо прошла девушка с двумя парнями. Они вели беседу о последней велогонке по Италии. У девушки были длинные загорелые ноги.

Почесав затылок, он осторожно спросил:

– Любить двоих одновременно возможно?

– Не знаю!

– Ты бы смогла?

– Господи, какой же ты глупый! А я так боялась, что ты окажешься умным...

– Правда?

– Пожалуйста, не умней!..

– Я постараюсь... – обещал он. – Надеюсь стать законченным идиотом!..

– Дай-то Бог!

Он закрыл глаза.

Она приподнялась на локте и, поцеловав его в плечо, спросила:

– Спишь?

Он открыл глаза, прошептал:

– Я вдруг представил себе, как... Я только что узнал, как тает мороженое...

Она провела ладонью по его груди.

– Тебе известно, как тает мороженое? – спросил он.

– Я была замужем, – проговорила она. – Он был рыбаком,

и три года назад погиб в этом море... В ту ночь был сильный шторм, и две лодки перевернулись...

Мимо снова прошла девушка с длинными загорелыми ногами, только сейчас рядом с ней шёл один парень.

– Но мы-то не расстанемся? – едва слышно проговорил он.

Она не ответила.

Почесав затылок, он сказал:

– Неужели мне не повезёт?

– Тебе повезёт! – сказала она. – Тебе ещё повезёт!

– А тебе?

Она молча улыбнулась. У неё была мягкая задумчивая улыбка.

– А тебе? – повторил он.

Она поднялась и торопливо надела платье.

– Я пойду! – проговорила она.

Он остался лежать на песке.

– Ты не вернёшься? – спросил он.

Она молча наклонилась, подняла белый плоский камешек и закинула его далеко в море.

Прошуршал песок.

Он слушал, как она уходит.

Лишь тишина осталась...

Сыновья Таля

Проводив доктора и акушерку, Таль остался на веранде выкурить сигарету.

«Теперь уже всё...» – подумал он и, улыбаясь, вернулся в дом.

На измученном лице жены лежала светлая тень – верный признак, что человек достиг своего заветного и долгожданного.

– Всё! – сказал Таль. – Теперь уже всё!..

– Всё! – проговорила жена и сразу уснула.

Таль смотрел на тяжело опущенные веки жены, на лежащий поверх одеяла свёрток с новой жизнью и улыбался. И его пятеро сыновей, столпившись в дверях, тоже улыбались.

– Это ваш новый брат... – прошептал Таль. – Это же...

– Томер! – в один голос сказали сыновья.

* * *

Рождение Томера воспринималось всей семьёй как нечто давно ожидаемое, даже непереносимое, и теперь старший сын, восьмилетний Бен, вывел братьев на веранду; те, подравняв носки, ждали появления отца.

– Отделение, – скомандовал Таль, – смирно!

Привычно вскинув головки, братья затаили дыхание, и тогда Таль, подойдя к ним, потрепал по щёчке каждого в отдельности, а двухлетнего Гришу поднял к себе на руки.

– Отделение, вольно! – выкрикнул Таль.

– А теперь что? – спросил ироничный Давид.

– Теперь – полный порядок! – ответил Таль и вдруг отвернулся.

* * *

Он отвернулся и тогда, когда после долгих месяцев, проведённых в госпитале, с его головы сняли бинты и подвели к большому зеркалу. Вспомнился увиденный в детстве фильм, в котором на весь экран показали обгоревшее лицо солдата.

– Не дрожи! – сказала медицинская сестра.

– А я себя узнаю?

– Глупый!

Неохотным, сдержанным движением повернул он голову к зеркалу и, чуть выждав, открыл один глаз. Тело обдало жаром, неуверенные пальцы трогали лицо на зеркале, а торопливые губы шептали какие-то имена.

– Это я? – лицо в коричневых, похожих на высохшую кору полосах, казалось чужим и отрешённым.

– Глупый! – повторила сестра.

«Наверно, все живые – глупые, – подумал Таль. – Мёртвые глупыми не бывают».

Вспомнил, что осенью к его дому прорываются с моря ветры, а деревья роняют с себя листья, зато весной, с первыми лучами солнца, листья вновь возвращаются... Теперь весна...

– Пора, – проговорил Таль в зеркало, – пора и мне...

Медицинская сестра спросила:

– Поумнел?

– Я жив!

– Вот именно!

– Вас как зовут?

– Сестра!

– Просто сестра?

– Этого достаточно.

– А у меня сестры никогда не было. У меня никогда ничего не было. Подкидыш я. Это потом, когда я стал взрослым, у меня появилось отделение: Бен, Давид, Игал, Ран, Гриша и Томер. У меня вдруг появились шестеро братьев. Но однажды наш бронетранспортёр подорвался на mine... Теряя сознание, я успел заметить ненужные ноги, ненужные спины, ненужные глаза моих братьев... Я вновь осиротел... Они теперь там... А я здесь...

– Поплачь! – сказала сестра.

– Их больше нет...

– Поплачь! – повторила сестра и, уходя, добавила: – А потом живи!

Таль подставил голову под холодную струю из крана, и вода стекала на шею, на госпитальную куртку, на потёртые шлёпанцы.

«Господи, – не понимал Таль, – зачем даёшь, если отбираешь? Зачем оставил меня? Зачем без братьев? Зачем?»

Он стоял, низко опустив голову, и не понимал, а потом

вдруг разом всё понял и едва слышно, словно боясь признаться самому себе, зашептал быстро-быстро: «Господи, кажется, догадываюсь, зачем Ты оставил меня!..»

* * *

Кроме Таля и девушки, по имени Рахель, в кафе возле моря никого не было.

– Я знаю, зачем Он меня оставил! – сказал Таль. – Вернуть моих братьев сможем лишь мы с тобой, понимаешь? Вернуть всё моё отделение, если мы с тобой вместе...

– Мы с тобой?

– Если вместе...

– Всё твоё отделение?

– Всех моих бойцов, всех до единого.

С берега в распахнутую дверь кафе ветер задувал сухие песчинки.

– Поможешь? – спросил Таль.

Рахель, опустив голову, молча следила за движением песчинок.

– Попытаюсь! – вдруг сказала она. – Я бы хотела...

Таль закрыл глаза.

Облегчённо вздохнул. Прикусил губу.

Представил себе, как в домик с просторной верандой входит девушка, присаживается на его кровать, и они неторопливо учатся быть счастливыми.

– Ты чудо! – проговорил Таль.

Они бродили вдоль берега, громко распевая песенку про

чёрного козлика и белую мечту, а потом, утомившись, остановились и стали разглядывать выглянувшую луну. Шум моря не мешал девушке расслышать то, о чём говорил Таль.

* * *

То, о чём говорил Таль, одновременно и радовало, и пугало, и смущало и влекло.

– Буду тебе женой! – сказала Рахель.

– В таком случае, мы их вернём...

– Конечно, – сказала Рахель, опустив глаза, – всех до единого!

* * *

Ночью, после рождения Томера, Талю приснился сон, будто он бродит по небу и заглядывает то за облака, то за крыло уснувшей на лету птицы. Он искал всю ночь. Прилежно искал, старательно. И вдруг услышал: «Командир, все здесь!» Таль рассмеялся. «Всё, – подумал он, – теперь уже всё!..»

Сиреневое облако

То обстоятельство, что на этот раз двух рюмок водки оказалось недостаточным, повергло меня в уныние и растерянность. Немного поразмыслив, я влил в себя ещё одну и торопливо опустил бутылку в нижний ящик письменного стола.

Невесомое сиреневое облако сорвалось с моих губ, качнулось в воздухе и, пролетев дальше, растаяло на оконном стекле. Я тихо вздохнул, закрыл глаза и суеверным движением пальцев коснулся исписанных листов рукописи.

За окном кончалось лето.

«Чтобы быть наказанным, не обязательно быть виноватым», – подумал я и потянулся к серой коробке телефона.

– Инна, – произнёс я как можно веселее, – давай встретимся!

В трубке шевельнулось знакомое дыхание.

– После двух лет?

– Почему бы нет? – заметил я. – Знаешь, без подзарядки аккумулятора машина глохнет...

– Ты пьян?

– Никогда!

– Тогда о какой машине речь?

Я пытался собраться с мыслями.

– Ты о чём? – повторила Инна.

– О любви! – объяснил я.

– С этим покончено!

Я опустил взгляд на нижний ящик письменного стола.

– С этим не кончают, – сказал я, – это кончает с нами...

– Ты так думаешь?

Я ни разу не усомнился в том, что наша любовь, хотя и кончилась, всё же продолжается. С тобой и без тебя; и без тебя – с тобой...

– Устал думать! – сказал я.

– Приходи! – сказала Инна.

Она сидела на краешке дивана, я – на краешке стула. Она разглядывала пол, я разглядывал её. «Очень весело!» – подумал я.

Инна прошептала:

– Целых два года!

Пришлось признаться:

– Да, два! Один, и потом ещё один...

– Не пора ли опомниться? – спросила Инна.

– Нет, – сказал я, – чтобы опомниться, нужно прежде забыть, а с этим не получается... А ты как?

– Что я?

– Так ведь два года! – напомнил я.

– Жила! На службу ходила, на телевизор поглядывала, а что сама приготовлю, то сама и съем... А ты?

– Что я?

– Так ведь два года...

Я подумал о законченной рукописи и о бутылке водки в нижнем ящике стола. Поднявшись со стула, сказал:

– Приду ещё!

Инна подняла голову и заглянула в мои глаза.

– Не надо! – попросила она.

– Я на чуть-чуть...

– Подзарядить аккумулятор?

– Так ведь машина и та...

– Нет, так не надо!

– А как надо?

Инна не ответила.

Поднимаясь со стула, я ощутил тошноту.

* * *

В городском парке я отыскал Ту скамейку и низко ей поклонился. «Год и ещё год...» – подумал я. Меня не отпускала тошнота.

– Инна! – крикнул я, опускаясь на скамейку – Инна!

– Вы кричали «Инна»? – надо мной повисло лицо пожилой женщины.

– Допустим! – сказал я.

– Меня зовут Инна!

– Ну, и что?

– Вы звали Инну!

– Так зовут мою любовь. Она умерла. Уже два года, как...

– Ужас! – суетливо перебирая ножками, женщина отошла прочь.

Я вскочил со скамейки и, словно придурок, словно обезумевший телёнок, побежал по тропинкам парка, по улицам города к письменному столу, к листам рукописи...

«Господи!» – я посмотрел на окно. Всё ещё кончалось лето.

На полу валялась книжка Шопенгауэра.

Я ощутил испуг и потянулся к нижнему ящику.

Отпив из бутылки, я стал жадно глотать воздух. И вдруг моё лицо облепило сиреневое облако.

«Ну, вот!..» – проговорил я и помог Шопенгауэру подняться с пола.

Очки

Валерию Теплицкому

За письменным столом я провёл два часа подряд, и, чтобы немного расслабиться, принялся разглядывать вечернее окно. Внезапно на оконном стекле высветилась картинка, на которой было видно, как Наташина голова прижимается к плечу незнакомого мне мужчины.

Сглотнув слюну, я сбросил с себя на пол очки, и тогда не стало ни головы Наташи, ни плеча мужчины.

«Господи!» – прошептал я, и, не поднимая с пола очки, присидел за письменным столом до рассвета.

Утром, стоя под душем, я думал о причудах жизни и о второй главе начатой книги, а потом, проходя мимо письменного стола, с тревогой подумал, что вечернее окно может вернуться снова...

Я решил выйти из дома, чтобы попытаться отвлечь себя от причуд жизни, побродить по утреннему городу, полюбоваться цветочными клумбами, но, неожиданно для самого себя, ноги привели меня в поликлинику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.